

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен, как следует из его подзаголовка, «предпосылкам и путям образования Древнерусского государства» — крайне широкой проблеме, все аспекты которой невозможно осветить в одной книге. Поэтому главное внимание было сосредоточено на трех — наименее освещенных в исторических исследованиях, но успешно разрабатываемых в рамках других, смежных наук — вопросах: состоянии восточнославянских общностей ко времени образования Древнерусского государства; путях восточнославянского политогенеза в сопоставлении с политогенезом соседивших с Русью народов; формировании государственной инфраструктуры Руси, точнее, одной из ее составляющих — системы военно-административных центров, через которые осуществлялась княжеская (центральная) власть.

Большая часть поставленных вопросов не нова и так или иначе исследовалась в советское время¹, однако сложившаяся в 1930-е — 1950-е годы и продолжавшая доминировать в отечественной исторической науке вплоть до 1990-х годов модель образования раннесредневековых европейских государств, прежде всего, Руси (Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто, В.Д. Королюк, Б.Н. Флоря и др.)², жестко определяла направление исследований и тем самым сужала возможные результаты. В соответствии с этой моделью, Древнерусское государство возникло самое позднее в IX в. (предпочтительнее — в VIII в. или еще раньше) как изначально классовое и феодальное по своей природе, исключительно (или почти исключительно) на основе внутренних экономических предпосылок. Однако даже сторонники этой модели находили затруднительным аргументировать наличие на Руси X и даже XI в. таких основополагающих признаков классовых (в первую очередь феодальной) формаций как феодальный способ про-

¹ Достаточно вспомнить труды И.И. Ляпушкина, П.Н. Третьякова, Б.А. Рыбакова, И.П. Русановой, В.В. Седова, посвященные отдельным славянским, как тогда считалось, «племенам».

² Критику этой концепции еще до придания ей «официального» статуса см. в работах С.В. Юшкова и С.В. Бахрушина.

изводства, основанный на частной (или государственной) земельной собственности, внеэкономическое принуждение, оформившиеся классы и др. (что явилось отправным пунктом для концепции И.Я. Фроянова), и вынуждены были экстраполировать явления, фиксируемые для конца XI–XII в., на предшествующее время. Даже введение понятия «переходный период» (от племенного строя к государственному), принятого в западноевропейской медиевистике (период «варварских королевств», по А.И. Неусыхину), применительно к Древнерусскому государству встретило возражения как нарушающее «чистоту» формационной схемы (Л.В. Черепнин).

Эта модель была едва ли не впервые поставлена под сомнение в 1992 г. в ряде докладов (Н.Ф. Котляра, Е.А. Мельниковой, М.Б. Свердлова) на очередных Чтениях памяти В.Т. Пашуто, посвященных спорным проблемам образования Древнерусского государства³. С тех пор она практически вышла из употребления, но не подверглась систематическому пересмотру и не заменена иной сколько-нибудь цельной концепцией (или концепциями) возникновения и формирования Древнерусского, равно как и других европейских средневековых государств.

Ныне не подлежит сомнению, что попытки формационного определения политий, к которым принадлежит Древняя Русь (по крайней мере, до конца XI в.), безуспешны. Однако эти политии обнаруживают черты, свойственные государству (если понимать его не как, прежде всего, репрессивную организацию, а более широко — как институционально оформленную политическую систему, обеспечивающую жизнедеятельность общества)⁴: сильную центральную власть, осуществляющую военные, административные, фискальные и другие функции через аппарат управления, фиксированную территорию и др. Обраще-

³ ВЕДС. Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы истории. Тез. докл. М., 1992. См. подробно: Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства в восточно-европейской историографии. Ижевск, 2012.

⁴ См., например, определение государства одним из классиков политической антропологии Г. Классеном: «Государство — это независимая централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений. Оно существует в сложном, стратифицированном обществе, расположенном на определенной территории и состоящем из двух основных страт — правителей и управляемых. Отношения между этими слоями характеризуются политическим господством первых и налоговыми обязательствами вторых. Эти отношения узаконены разделяемой, по крайней мере, частью общества идеологией, в основе которой лежит принцип реципрокности» (Claessen H.J.M. State // Encyclopedia of Cultural Anthropology. N.Y., 1996. Vol. IV. P. 1255.). В политической антропологии выделяется три основных признака государства, отличающих его от вожества: территориальное деление, налоги и формирование аппарата управления, однако эти признаки весьма условны (Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2010. С. 179).

ние к моделям государствообразования, предложенным в политической и исторической антропологии, — введение понятия «вождество» и представлений об эволюции вождеств от простых к суперсложным⁵ — было, безусловно, продуктивным, однако предпринимаемые на их основе реконструкции процессов образования Древнерусского государства пока не привели к достаточно убедительным результатам, поскольку, в первую очередь, столкнулись с острым недостатком источников, которые позволили бы аргументированно восстановить социальную и политическую структуру восточнославянских общностей и их эволюцию до XI в., особенно в VIII–IX вв. — определяющем периоде в переходе восточных славян к государственному устройству.

Проблема источников в последнее десятилетие встала особенно остро. С одной стороны, резко увеличился объем археологических материалов, существенно пополнивших источниковую базу исследований восточнославянских обществ в VIII–XI вв. Принципиально важную роль для освещения генезиса Древнерусского государства имеют региональные исследования, круг которых сильно расширился. Наряду с всегда имевшими большое значение раскопками городов: Киева⁶, Городища и Новгорода, Ладоги, Пскова, Гнёздова и Смоленска, Суздаля, Чернигова и мн. др., возникновение и ранние этапы истории которых тесно связаны с формированием государства, ныне внимание археологов в большей мере сосредоточилось на широкой округе городских центров: Поволховье и Приильменье (Е.Н. Носов, В.Я. Конецкий), Черниговщине (В.П. Коваленко, А.П. Моця), Посеймье (В.В. Енуков) и др., и племенных территориях: древлян (Б.А. Звиздецкий), северян (А.В. Григорьев, И.Г. Сарачев), радимичей (А.С. Щавелев, А.А. Фетисов) и др. Эти материалы формируют принципиально новую картину славянского расселения в Восточной Европе⁷, возникновения и характера социально-политических общностей (В.Я. Конецкий, А.П. Моця, Е.А. Шинаков). Однако археологические материалы еще далеки от сколько-нибудь систематического осмысления и

⁵ См.: Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–32; Котляр Н.Ф. Древнерусское государство. СПб., 1998; Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е изд. Брянск, 2002 и др.

⁶ Публикации М.А. Сагайдака, Г.Ю. Ивакина, В.Н. Зоценко. Новые данные, полученные при раскопках Киева 2000-х годов, как кажется, радикально меняют наши представления о процессах, протекавших в Среднем Поднепровье и тесно связанных с образованием Древнерусского государства, однако они еще не обобщены и далеко не полностью осмыслены.

⁷ По данным письменных источников эта проблема была обобщена в кн.: Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

обобщения, что делает крайне затруднительным их использование в исторических исследованиях, которые, как представляется, не могут ныне опираться только на письменные источники.

Это тем более справедливо, что, с другой стороны, традиционные письменные источники находятся сейчас в процессе серьезного пересмотра. Реконструкция ранней, IX–X вв., истории Руси основывается по преимуществу на сообщениях одного единственного источника — «Повести временных лет», место которой в истории летописания определялось до последнего времени в соответствии со схемой А.А. Шахматова (1908 г.), ныне претерпевающей, во-первых, существенные изменения в отношении и датировок отдельных сводов, и — что особенно важно — их соотношения и отнесения к ним тех или иных частей «Повести» (О.В. Творогов, А.А. Гиппиус, Т.В. Гимон, А. Тимберлейк и др.). Во-вторых, общая констатация того, что в основе сообщений «Повести временных лет» лежат устные предания, сменилась систематическим изучением устной традиции, использованной летописцами при воссоздании «начал Руси» (Е.А. Мельникова, А.С. Щавелев). Казавшиеся ранее достоверными известия, используемые как основа для исторической реконструкции последовательных этапов образования Древнерусского государства, оказываются результатом осмысления летописцем XI–XII вв. устных преданий, сложившихся столетием раньше, подвергшихся трансформации в процессе устного бытования и адаптированных летописцем в соответствии с его историософскими представлениями. В-третьих, требует дополнительного источниковедческого и — особенно — лингвистического исследования другой важнейший источник по ранней истории Руси: договоры с X в. Признание того, что сохранившиеся тексты являются переводами конца XI в. с греческого языка (Я. Малингуди, С.М. Каштанов), лишает статуса аутентичности, прежде всего, их терминологию, но также выдвигает необходимость в более критическом подходе и к текстам в целом. Наконец, далеко не полностью использованы еще возможности, открываемые зарубежными источниками, среди которых особую ценность в контексте проблем образования Древнерусского государства представляют восточные и византийские источники IX–X вв., отразившие процессы эволюции социально-политического строя восточных славян.

Таким образом, в изучении процессов образования Древнерусского государства современное состояние дел обнаруживает парадоксальную ситуацию: историки Древней Руси редко обращаются к новейшим концепциям современной медиевистики и, особенно, политиче-

ской антропологии в осмыслении процессов политогенеза, которые способны составить теоретическую основу для исследования перехода восточнославянских обществ к государству, и в еще меньшей степени используют археологические материалы из-за сложности их интерпретации.

Публикуемые в данном томе статьи призваны по возможности компенсировать указанные сложности, представив материалы, которые проливают свет на несколько существенных вопросов восточнославянского политогенеза и частично разрушают сложившиеся и устоявшиеся представления.

Во-первых, публикуемые материалы свидетельствуют о разном уровне развития отдельных восточнославянских общностей⁸. Как правило, раннее восточнославянское пространство рассматривается как некое единство, в котором процессы государствообразования протекали относительно синхронно от Ладоги до Переяславля Южного. Между тем археологические источники с отчетливостью указывают на существеннейшие различия в развитии отдельных восточнославянских общностей, прежде всего стадийные (как, например, между полянами и вятичами), но также и в предпосылках и механизмах процессов государствообразования у различных общностей.

Установление разностадийности социально-политического развития восточнославянских общностей дает новую основу для обсуждения вопроса о центрах возникновения государственности у восточных славян. Среднеднепровский (полянский) моноцентризм, восходивший еще к представлениям летописцев XI–XII вв., сменился в последние десятилетия бицентризмом: к Среднеднепровскому региону добавилось Поволховье, которое ныне в части российской историографии представляется едва ли не как главный регион зарождения государственности у восточных славян. Представленные в сборнике материалы дают основания полагать, что таких центров в восточнославянском мире было не два, а больше: так, выявленная иерархичность поселений в Верхнем Поднепровье вкупе с другими данными как будто указывает на формирование здесь еще одной политики.

Во-вторых, исследования славянских поселений VII–IX вв. в Среднем Поднепровье и к западу и востоку от него рисуют картину бурных военных столкновений, сопровождавшихся уничтожением одних группировок и миграциями других, — в противоположность традиционному представлению о мирных земледельцах, покой которых на-

⁸Ср.: *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 300–347.

рушали лишь набег кочевников. Славянские общности оказываются значительно более мобильными и активными, нежели принято считать в историографии.

В-третьих, впервые, благодаря археологическим исследованиям Черниговщины, приобретает зримость процесс так называемого «окняжения» земель киевскими правителями. Основание «дружинных лагерей» — форпостов киевской власти — наглядное свидетельство тяжелой и длительной борьбы, ведшейся первыми киевскими князьями за гегемонию в регионе.

Наконец, и выявление сети «дружинных лагерей» в Черниговской земле, и судьбы поселений в междуречье Днепра и Дона по-новому освещают скандинавское утверждение на территории Восточной Европы: очевидно, что распространенное мнение о в целом мирном расселении скандинавов по преимуществу в (прото)городских центрах, — основанное на материалах некрополей у крупнейших торгово-ремесленных поселений со смешанными этно-культурными традициями, — далеко не всегда оправданно и требует существенных корректив.

Следующий круг актуальных проблем связан с историческим и геополитическим контекстом образования Древнерусского государства. Постепенно преодолевается «русскоцентричный» взгляд на прошлое Восточной Европы, когда главным объектом исследования были восточнославянские общности и Древняя Русь. Как ее возникновение, так и дальнейшая эволюция проходили не в изолированном пространстве. Восточнославянский мир теснейшим образом взаимодействовал с другими народами, населявшими Восточную Европу: финнами и балтами на севере и западе, кочевниками на юге, с уже сложившимися государствами Восточной Европы, прежде всего, с Хазарским каганатом и Волжской Булгарией. Изучение этих государств, практически прекратившееся в третьей четверти XX в., стоит сейчас в центре внимания историков и археологов Москвы, Петербурга, Петрозаводска, Харькова, Казани. Однако сколько-нибудь полной картины этнокультурных взаимодействий и взаимовлияний в Восточной Европе периода образования Древней Руси пока еще нет, и публикуемые в настоящем сборнике статьи вносят существенные дополнительные подробности.

Важным, однако, является исследование не только взаимодействий восточных славян, а затем Древнерусского государства с соседними народами, но и сопоставление путей их политогенеза, сколь бы различными они не были. Особенности и становления Хазарского кага-

ната, и образования кочевых империй дают основания для выявления некоторых сходжений (или закономерностей?) перехода разных народов к государственности и ее форм.

Наконец, одним из важнейших, но также недостаточно изученных факторов, способствовавших резкому усилению процессов государствообразования у восточных славян, признается их геополитическое положение⁹. Густая речная сеть с единым водоразделом трех крупнейших рек — Волги, Днепра и Западной Двины, соединявших Балтийское, Черное и Каспийское моря, — позволила Восточной Европе занять исключительное положение в средневековом мире после того, как средиземноморская торговля с Востоком была прервана арабскими завоеваниями в VII–VIII вв. и основной трансконтинентальный путь переместился на Балтийское море и реки Восточной Европы. В результате изменения геополитической обстановки на Восточноевропейской равнине создаются экономические и интенсифицируются социально-политические предпосылки возникновения политики в Волховско-Ильменском регионе. Роль геополитических факторов в возникновении и развитии Древнерусского государства освещена пока лишь в самом первом приближении. И эта проблема, как и другие, поставленные в настоящем томе, требует дальнейшего изучения.

Е.А. Мельникова

⁹См. постановку вопроса: *Гутнова Е.В., Новосельцев А.П., Удальцова З.В., Щапов Я.Н.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций // *ВИ.* 1980. № 7.